

flipbook ↙

Мария Метлицкая

Наша маленькая жизнь

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 54

Серийная разработка *С. Груздева*

В оформлении переплета использована иллюстрация *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М 54 Наша маленькая жизнь / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2014. — 432 с. — (Флипбук).

Мария Метлицкая рассказывает о простых людях — они не летают в космос, не блистают на подмостках сцены, их не найдешь в списке Forbes.

Поэтому их истории читаются на одном дыхании — они могли бы произойти с нами.

Автор приподнимает занавес, за которым — чужая жизнь, но читателю все время хочется сказать: «Это я». Это я рыдала в аэропорту, провожая любимого и зная, что больше никогда его не увижу. Это я, встретив первую любовь, поняла, что не смогу второй раз войти в эту реку. Это я вдруг осознала, что молодость стремительно пролетела и вернуть ее невозможно.

И каждый скажет: героини Метлицкой справились со всеми испытаниями судьбы. Значит, и я смогу, и я справлюсь.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Метлицкая М., 2011

© Издание на русском языке, оформление.
000 «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75217-1

АЛИК — ПРЕКРАСНЫЙ СЫН

Соседей, как и родственников, не выбирают. Хотя нет, не так. С несимпатичными родственниками ты можешь позволить себе не общаться, а вот с соседями — хочешь не хочешь, а приходится, если только совсем дело не дойдет до откровенного конфликта. Но мы же интеллигентные люди. Или пытаемся ими быть. Или хотя бы казаться. Да еще есть такие соседи, от которых никуда не деться. В смысле, не спрятаться. Особенно если вы соседи

по даче, участки по восемь соток и у вас один общий забор. В общем, секс для бедных.

Хозяин дома, Виктор Сергеевич, отставник, человек суровый и прямой, был категоричен и считал, что с соседями точно не подфартило. А вот его супруга Евгения Семеновна, женщина тихая и интеллигентная, учительница музыки, была более терпима и к тому же жалостлива, впрочем, как почти любая женщина.

Теперь о том, кого она жалела.

Соседская семья состояла из четырех человек: собственно хозяйка, глава семьи и рулевой Клара Борисовна Брудно, мать двоих детей и женщина практически разведенная, но об этом позже; двое ее детей — сын Алик и дочка Инка; и престарелая мать, Фаина. Без отчества. Просто Фаина.

Теперь подробности. Клара была женщиной своеобразной. Крупной. Яркой. Шумной. Все это мягко говоря. Если ближе к реалиям — то не просто крупной, а откровенной толстухой. Объемным было все — плечи, руки, грудь (о да-а!), бедра, ноги,

живот. Все — с излишком. Яркой — да, это правда. Лицо ее было преувеличенно рельефным — большие, темные, навывкате глаза, густые брови, мощный, широкий нос и крупные, слегка вывернутые губы. Все это буйство и великолепии обрамляли вьющиеся мелким бесом темные и пышные волосы, которые Клара закручивала в витиеватую и объемную башню. Дополнялось все это яркой бордовой помадой и тяжелыми «цыганскими» золотыми серьгами в ушах. Полные руки с коротко остриженными ногтями, на которых толстым и неровным слоем лежал облупившийся лак. Одевалась она тоже — будьте любезны: в жару тонкое нижнее трико по колено, розовый атласный лифчик, сшитый на заказ (такие объемы советская промышленность предпочитала не замечать), а поверх всего этого надевался длинный фартук с карманом. Если спереди вид был куда-никуда, то когда Клара поворачивалась задом... Картинка не для слабонервных.

Хозяйка она была еще та — к мытью посуды приступала, только когда заканчивалась последняя чистая тарелка или вил-

ка. А обед она готовила так: в большую, литров шесть, кастрюлю опускала кости, купленные в кулинарии по двадцать пять копеек за кило. Это были даже не кости, а большие и страшные мослы, освобожденные от мяса почти до блеска. Они вываривались часа три-четыре, потом щедрой рукой Клара кидала в чан крупно наструганные бруски картошки, свеклы, моркови и лука. В довершение в это гастрономическое извращение всыпалась любая крупа: гречка, пшено, рис — все, что оказывалось в данный момент под рукой. Этот кулинарный шедевр Клара называла обедом. Готовился он, естественно, на неделю. То же страшноватое варево предлагалось заодно и на ужин. Хлеб, правда, что на обед, что на ужин, резался щедро, крупными ломтями — батон белого и буханка черного.

По выходным (читай, праздник) делалась немыслимая по размеру яичница — праздник для детей, но и это нехитрое блюдо Клара умудрялась испортить, добавляя туда отварную картошку и вермишель. Хотя понять ее было можно — все

постоянно хотели есть, особенно старая Фаина. Фаина эта вообще была штучка — крошечная, сухонькая, с тощей седой косицей, в которую непременно вплеталась сеченная по краям мягкая атласная ленточка грязно-розового цвета, тоже выдавшая виды. Считалось, что Фаина занимается огородом — Клара ее называла Мичуриным. Действительно, она маячила на участке весь световой день — что-то перепалывала, рыхлила, пересаживала. Не росло ничего. Даже элементарный лук вырастить не получалось, не говоря об огурцах, редиске и прочем. Потом она додумалась удобрять свое хозяйство отходами человеческого организма, помешивая весь этот ужас длинной палкой в старой жестяной бочке. Но тут не выдержала даже спокойная Евгения Семеновна и попросила прекратить эти опыты. Примерно в час дня Фаина взывала к совести дочери и требовала обед.

Клара громко возмущалась:

— Такая тощая, а столько жрешь!

Фаина оправдывалась:

— Я же занимаюсь физическим трудом.

— Ха! — громогласно, участков эдак на пять, восклицала Клара. — А где результат твоего труда?

Домочадцев она называла иждивенцами, правда, о каждом говорила с разной интонацией. О Фаине — с легким презрением и пренебрежением, о сыне Алике — гневно и почти с ненавистью, а о дочке Инне — с легкой и нежной иронией.

Инну, довольно хорошенькую, молчаливую и туповатую кудрявую толстушку, Клара обожала, это была ее единственная и ярая страсть. На улицу, где шла вольная жизнь местных детей, девочка выходила молча, бочком, на велосипеде не каталась, в салки и казаки-разбойники не играла, тихо посапывая, сидела на бревне и жевала горбушки, распиханные по многочисленным карманам грязноватого сарафана. Брата ее Алика тоже всерьез особо не принимали — тощий, носатый, с вечными соплями, хлюпающий ханурик в сатиновых трусах. Ни

толку от него, ни проку. Но его жалели, не гнали и, всегда неохотно вздыхая, брали в игру. Клару конечно же осуждали. Два родных ребенка — и такая разница в отношении! Допустим, бывают у матери любимчики, хотя это странно, но факт — бывают. Но чтобы одного ребенка так откровенно, не стесняясь, лелеять, а второго, мягко говоря, не замечать! Впрочем, все они там были с большими прибабаками.

— Иннуся! — сладким голосом кричала Клара, стоя на крыльце подбоченясь.

— Чего? — не сразу откликнулась дочь.

— Иди, солнышко, кофе пить, — ворковала Клара.

Конечно, это был не кофе — кофе был им просто не по карману, — а какое-то пойло, дешевый напиток, но к нему полагались пряники или овсяное печенье, немислимые лакомства, достававшиеся из глубоких и никому неведомых Клариных тайников. Клара и дочка усаживались на веранде и начинали пировать. Фаина сидела на грядках и водила носом — ее на

эти пиршества не приглашали, а Алика и подавно. Евгения Семеновна не выдерживала, подходила к общему забору и тихо выговаривала Кларе — за мать, за Алика. Клара не обижалась, а отвечала спокойно:

— Что вы, Евгения Семеновна, Фаине кофе вредно, спать ночью не будет. А этот малахольный и так по ночам ссытся — это в тринадцать-то лет! Ну их! — махала рукой Клара, облизывая крошки с толстых, покрашенных губ.

Евгения Семеновна качала головой и Клару осуждала:

— Ведь он тоже ваш сын, Клара, а как приемыш, ей-богу.

— Ох, — вздыхала Клара, закатывая глаза, — вы же знаете, Евгения Семеновна, Алик у меня от этого изверга (так обозначался первый Кларин муж). Такой же шаромыжник растет, как его отец. Ни тпру, ни ну. Нахлебалась я с ним — во! — Клара проводила рукой по горлу. — Ну, сами знаете, — деловито добавляла она. — Не жизнь была — пыточная камера. А Иннуся, — взгляд ее влажнел и останавливался, — знаете ведь, от любимого чело-

века. И это большая разница! — Клара назидательно поднимала похожий на сардельку указательный палец.

— Бросьте, Клара, — сердилась Евгения Семеновна, — дети тут ни при чем. Сначала рожают от кого попало, а потом свои обиды и комплексы на них вымещаете.

Клара тяжело вздыхала — соглашаться ей уже надоело, это было не в ее характере. Тогда она укоряла соседку.

— Вы, Евгения Семеновна, пе-да-гог, — произносила она по слогам. — У вас все по науке, а жизнь — это жизнь. — И, не выдерживая, начинала хамить: — Да и что вы в этом смыслите! Своих-то у вас нет! — И, развернувшись, чувствуя себя при этом победительницей и единственно правой, она с достоинством удалялась от забора, демонстрируя несвежее фиолетовое трико.

Евгения Семеновна расстраивалась, даже плакала — от обиды и хамства. Уходила в дом и переживала, долго, до вечера. Муж ее ругал:

— Куда ты лезешь! Дура ты, а не она! Нашла с кем связы-

ваться — с этой непробиваемой хамкой и торгашкой. Удивительно, — кипятился он, — ну, ничему тебя жизнь не учит. Сиди на участке и не лезь в чужие жизни.

— Мне ребенка жалко! — всхлипывая, оправдывалась Евгения Семеновна.

— Заведи себе кота, — резко бросал муж и хлопал дверью.

Прожив долгую жизнь, внутренне они так и не смирились со своей бездетностью. Дернул же черт Евгению Семеновну тогда, зимой 79-го, в страшенный мороз и гололед, будучи на шестом месяце, отправиться с подругой в кино. Идти не хотелось, но, как всегда, было трудно отказаться. Упала она почти у подъезда — страшно ударилась затылком, так, что не спасла отлетевшая в сугроб песцовая шапка. Потеряла сознание, и сколько пролежала она на льду, одному Богу известно. У нее было сотрясение мозга, ночью начались боли и рвота. Ребенка она потеряла. Как следствие — сильнейший стресс, депрессия, жить тогда вообще не хотелось. Вылезала из этого годами, с невероятным трудом.